

— Чтобы увидеть восход, нужно дождаться рассвета. —

Приближалось начало зимы. Вечерний город Бяньлян, столица Дунцзин, возвышался в лучах заходящего солнца. Высокие тёмно-серые городские стены окрасились в бледный багрянец, отчего вид их стал менее унылым и более тёплым. По обеим сторонам тракта, ведущего к воротам Кайфына, рядами росли столетние вязы. Хотя листья с их толстых ветвей давно опали, чёрные сучья всё ещё преграждали путь пыли, вздымаемой холодным ветром, защищая этот процветающий город.

Сквозь переплетение теней деревьев, на бледно-голубом небе, ещё не полностью поглощённом закатом, уже тихо взошёл серп молодого месяца.

Недалеко от городских ворот неторопливо шёл юноша в белой рубаше. Он был высок и строен, даже немного худощав, и одет довольно легко. На голове у него была бамбуковая шляпа, скрывавшая почти всё его лицо.

За спиной юноша нёс огромную бамбуковую корзину, плотно укрытую толстой хлопковой тканью.

— ...Вы знаете, где мы? Это Кайфын, Кайфын! Я хочу пить чай, гулять по ночному рынку, принимать ванны, слушать оперу, я хочу увидеть Су Дунпо, великого учёного Су...

Тоненький девичий голосок донёсся из корзины до ушей юноши. Не успел он ответить, как раздался другой, холодный смешок, полный сарказма: «Су Дунпо? Хе-хе... Су Дунпо сейчас где-то далеко, в Башу, корпит над книгами. К тому же, у великого учёного Су не нашлось бы с тобой ни одной общей темы для разговора. Хочешь увидеть знаменитость? Может, мне отправить тебя на встречу с судьёй Бао?»

Бамбуковая корзина сильно затряслась. Среди скрежета зубов в споре и едких насмешек послышался ещё один, робкий детский голос: «Вы... вы не могли бы сначала перестать ссориться? Мы... мы войдём в Кайфын, а что будем есть, где жить...»

В корзине воцарилась тишина, но через мгновение те два голоса зазвучали в унисон: «Тань! Чжи! Фэн!»

Примерно через время, нужное чтобы выпить чашку чая, юноша по имени Тань Чжифэн остановился неподалёку от городских ворот. Он всё ещё нёс корзину, но за его спиной невесть откуда появились трое спутников с разными выражениями лиц.

Хорошенькая девушка в розовом, скрестив руки на груди, с горящими глазами возбуждённо всматривалась вдаль, за городские ворота. Рядом с ней высокий юноша в синем халате, заложив руки за спину, стоял с холодным видом, изредка с опаской оглядывая прохожих.

За ними следовал мальчик помладше, с густыми бровями и большими глазами, одетый в тёмно-коричневую короткую рубаху и длинные штаны. Он растерянно смотрел на троих впереди.

Тракт почти подошёл к концу, и Тань Чжифэн остановился. Он коснулся края шляпы своими белыми пальцами и слегка приподнял её. Его лицо, встретив последний луч заходящего солнца, казалось нереальным в багровом сиянии заката — это было лицо изысканное, прекрасное, ясное и трогательное, словно впервые распутившийся цветок, покрытый утренней росой и светом зари.

Его брови были словно нарисованы тушью, чёрно-белые глаза — кристально чистыми и

яркими, нос — с высокой переносицей, а уголки губ слегка приподняты. Он смотрел на Кайфын перед собой с благоговением, словно паломник.

Его улыбка была волнующей, захватывающей дух, будто холодная зима этого вечера вот-вот будет перевернута лёгким движением руки, и в следующее мгновение взойдёт солнце, и на землю вернётся весна.

Несколько прохожих, очарованные внешностью юноши, замедлили шаг и с удивлением обернулись, но, увидев лёгкую улыбку на его лице, почувствовали, как в их сердцах разливается тепло, и отвели любопытные взгляды.

Тань Чжифэн тут же опустил шляпу и молча постоял у ворот Кайфына. Он пошарил рукой у себя на шее и вытащил тонкую красную нить. На нити висела очень маленькая подвеска, лёгкая, как капля воды, но в то же время, казалось, очень тяжёлая, отчего красная нить туго натянулась.

В этот миг в улыбке Тань Чжифэна промелькнула горечь, и он тихо произнёс: «Надеюсь, в этот раз я найду тебя, я...»

Не успел он договорить, как сзади раздался стук — несколько человек один за другим врезались в него. «Ай-ой! Тань Чжифэн, ворота вот-вот закроются, ты чего здесь встал?!»

«Денег нет, что в городе, что за городом — одна судьба: питаться северо-западным ветром!»

«Чжифэн, братец Чжифэн, ты ведь найдёшь нам, где жить?..»

Трое шумели и галдели. Тань Чжифэн мысленно отключился от их голосов и осторожно спрятал подвеску-каплю под воротник. «Пойдёмте, — наконец сказал он. — Сначала найдём, где остановиться, а потом... с деньгами я что-нибудь придумаю... Кстати, когда это я вас обделял, что вы мне так не доверяете? Э? А где все?»

Стемнело, у городских ворот было людно, все толкались, и шляпа стала мешать. Тань Чжифэн легонько хлопнул себя по лицу и снял её.

Странное дело: лицо, которое у ворот привлекало всеобщее внимание, теперь стало совершенно обычным и ничем не примечательным.

Тань Чжифэн не смел медлить, быстро нашёл укромное место, открыл толстую ткань, покрывавшую большую корзину, и заглянул внутрь. Там, в трёх изящных фарфоровых вазах с синим узором, на него смотрели розовый гиацинт, пышно разросшийся изумрудный эпипремнум и светло-коричневый пухлый суккулент. Все они дружно помахали ему листьями.

Все на месте. Тань Чжифэн с облегчением вздохнул и осторожно накрыл их снова хлопковой тканью.

Он закинул корзину на спину и пошёл дальше. Лучи заходящего солнца уже полностью исчезли, но в Кайфыне по-прежнему было светло как днём, повсюду горели огни. У входа в каждую таверну стояли улыбающиеся слуги в платках, без усталости зазывая гостей.

Тань Чжифэн поднял голову и увидел, что с одной стороны людной улицы по бокам огромного деревянного каркаса были сооружены конструкции в форме птиц, а середина была украшена разноцветными цветами. Это было величественное и великолепное сооружение, похожее на лестницу, уходящую в облака, — «цайлоу хуаньмэнь», яркий символ, которым знаменитые

таверны и развлекательные кварталы Кайфына завлекали клиентов.

Так называемые «вацзы», или «ваши», были излюбленным местом отдыха для жителей Кайфына. В этом развлекательном квартале семьи Сан было несколько десятков больших и малых сцен, где днём и ночью шли различные представления: песни, танцы, пьесы, рассказы об истории, цзюэди и кукольные театры. Вокруг огромных помостов теснились таверны и чайные, и как внутри, так и снаружи всё было забито людьми.

«Чжифэн!» «Тань Чжифэн!» «Братец Чжифэн, я хочу посмотреть...»

Тань Чжифэн с трудом протиснулся вперёд и спросил у стоявшего рядом человека: «Что сегодня показывают?»

Тот окинул его взглядом, каким смотрят на деревенщину, и коротко бросил: «Цзюэди».

Тань Чжифэн посмотрел вперёд и смутно разглядел нескольких слуг, стоявших у входа. Он тихо спросил: «Вход платный, да? Сколько стоит?»

Презрение во взгляде собеседника стало ещё глубже: «Задние места — пятьдесят вэней с человека. А что до передних, думаю, можешь даже не мечтать. Даже если деньги есть, не факт, что сможешь заказать!»

Корзина за спиной Тань Чжифэна снова задвигалась. «Быстрее, быстрее посмотрите, что у него можно продать за деньги?»

«Что это? Старый календарь, ещё и времён династии Тан?!»

«А это?»

«Кажется, несколько потрёпанных книг... и несколько старых одежек...»

Под эти перешёптывания Тань Чжифэн осторожно, прижимая к себе корзину, выбрался из толпы. Оглянувшись, он увидел, что развевающиеся на «цаймэнь хуаньлоу» яркие шёлковые цветы походили на вспышки фейерверка, отчего ночное небо казалось ещё более глубоким и тёмным.

Ему вдруг захотелось задержаться на мгновение. В толпе людей его притягивал какой-то чрезвычайно слабый, знакомый запах, но это было лишь на миг, и он тут же исчез.

В корзине уже начали обсуждать, не продать ли его немногочисленную одежду. Тань Чжифэн поспешил в противоположную сторону. На этот раз, наученный опытом, он избегал толпы и свернул в тихий переулок. Но сам того не замечая, он обнаружил, что людей становится всё меньше, и начал терять самообладание.

— Прошу прощения... — увидев, что мимо него, наконец, прошёл молодой человек в халате с каймой, Тань Чжифэн поспешил его окликнуть: — Скажите, пожалуйста... где здесь можно найти недорогое место для ночлега?

Тот человек был невысоким и худым, с больным видом. Когда Тань Чжифэн его остановил, он увидел, что тот весь в дорожной пыли, да ещё и с корзиной за спиной, и на его лице отразилось сочувствие. Он сказал: «Вы, должно быть, учёный? Почему бы вам не заглянуть к востоку от Ворот Алой Птицы, в сторону Императорской академии? В Переулке Пшеничной Соломы полно постоянных дворов, там за день всего несколько монет берут...»

Тань Чжифэн посмотрел в глаза этого молодого человека и почувствовал в них глубокую тревогу, уныние и даже некоторую нервозность. Хотя у него осталось совсем мало магических сил, он всё же незаметно передал немного своей духовной силы в тело юноши.

Указав дорогу, молодой человек поспешил прочь. Тань Чжифэн, нахмурившись, смотрел ему вслед. Состояние этого человека было не в порядке. Надеюсь, та капля духовной силы поможет ему сохранить хоть немного ясности ума.

В то же время он осознал — Кайфын, возможно, не так прекрасен, как кажется на первый взгляд.

...

Он не ошибся. В том самом развлекательном квартале семьи Сан, на высоком помосте, гремели гонги и барабаны, и двое дюжих мужчин сцепились в схватке. Помост был окружён оградой, и всё пространство вокруг было забито людьми в три слоя, время от времени раздавались оглушительные крики одобрения.

А за помостом, на холодном ветру, стояла шеренга мужчин разного роста, также с обнажёнными торсами, окоченевших от холода. Мужчина средних лет, закутанный в атласный халат и в тёплой шапке из меха выдры, медленно прошёл мимо них и остановился перед последним, самым высоким мужчиной.

— Это он? — низким голосом спросил мужчина средних лет. Следовавший за ним человек, похожий на управляющего, поспешно закивал: «Да, да, он сказал, что сможет победить Дуань Железную Пагоду. Господин, посмотрите...»

Мужчина средних лет поднял голову и внимательно осмотрел этого молодого человека. Ростом он был более восьми чи, его худощавое лицо скрывалось в тени, отбрасываемой помостом. Торс его, как и у остальных, был обнажён. Мышцы были не слишком рельефными, но плавными и полными жизни. У него были широкие плечи и узкая талия, длинные и прямые ноги. Он непоколебимо стоял среди дрожащих от холода и ожидающих своего выхода мужчин, словно высокая и величественная статуя, сильная и совершенная, внушающая трепет.

Мужчина средних лет восхищённо вздохнул и спросил: «Как тебя зовут?»

<http://bllate.org/book/14942/1323797>